



The "third generation" of constructivism: what's new?

T. A. Alekseeva¹

¹Moscow State Institute of International Relations, 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 117454, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-1-6-21

Research Article
Full text in Russian

Constructivism as a political theory since its start was quite pluralistic, being united by the chief idea – all the main aspects of international relations are socially constructed. That is why it is generally regarded to be a kind of “bridge” between the IT and social theory as such. The «generational» differences enrich the multitude of approaches. Nowadays already, the third generation of the constructivist theoreticians are at work.

The constructivism had entered the scene at the time of the “Third Great debates”, or epistemological contradictions between the proponents of explanation, positivism and rationalism – from one side; and understanding (interpretivist attitude), from the other. However, the first generation had just marked the main attitudes, they were not precise enough to make them a science. They preferred to contemplate about the international problems, instead of analyze them.

At the time of the second generation, constructivism was being recognized as a real alternative to political realism and liberalism as the most important theories of international relations and literally occupied the place, belonging before that to Marxism. At the time, the process of the «sciencefication» of constructivism took place.

The third generation has brought something new and simultaneously has returned to some of the ideas, methods and theses of the first generation – back to social interactionism, discursive analyses, theories of communication, etc. The special attention it gives to the conditions and context.

Keywords: constructivism; generational attitude; temporality; interpretivism; political realism; liberalism; Marxism; social interactionism; communication; context

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alekseeva, Tatyana A. | E-mail: www.polittheory@mail.ru
Doc. Sc (Philosophy), Professor

For citation: Alekseeva T. A. The "third generation" of constructivism: what's new? // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. Vol. 8, No 1. P. 6-21. (in Russ.)



«Третье поколение» конструктивизма: что нового?

Т. А. Алексеева¹

¹Московский государственный институт международных отношений, проспект Вернадского, 76, Москва, 117454, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2022-1-6-21
УДК 30.303.022

Научная статья
Полный текст на русском языке

Конструктивизм как политическая теория с самого начала отличался высоким уровнем плюрализма, будучи объединённым главной идеей: все главные аспекты международных отношений социально сконструированы. Поэтому он обычно рассматривается как «мост» между ТМО и социальной теорией в целом. Разнообразие конструктивистских течений дополняется поколенческими различиями. Сегодня работает уже третье поколение теоретиков-конструктивистов.

Конструктивизм вышел на сцену в период третьих «Великих дебатов» – эпистемологического противостояния между сторонниками объяснения, позитивизма и рационализма, с одной стороны; и понимания (интерпретации) – с другой. Однако первое поколение конструктивистов лишь наметило основные подходы, ему не хватало конкретизации. Они скорее рассуждали о международных проблемах, нежели анализировали их.

В период работы второго поколения конструктивизм был признан реальной альтернативой политическому реализму и либерализму как наиболее значимым теориям международных отношений и фактически занял место, которое ранее принадлежало марксизму. В этот период происходило «онаучивание» конструктивизма.

Третьему поколению присуще нечто новое и одновременно возвращение к некоторым идеям, методам и тезисам первого поколения: к социальному интеракционизму, к дискурсивному анализу, к теориям коммуникации. Особое внимание уделяется условиям и контексту.

Ключевые слова: конструктивизм; поколенческий подход; темпоральность; интерпретативизм; политический реализм; либерализм; марксизм; социальный интеракционизм

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева, Татьяна Александровна

E-mail: www.polittheory@mail.ru

Доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политической теории

Для цитирования: Алексеева Т. А. «Третье поколение» конструктивизма: что нового? // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Том 8, № 1. С. 6-21.

Путь утверждения, признания и эволюции конструктивизма как политической теории и теории международных отношений был далеко не гладким. Он постоянно подвергался «вызовам» со стороны других подходов, отнюдь не благожелательным оценкам, жесткой, иной раз нелицеприятной критике. По сей день некоторые исследователи полагают, что статус конструктивизма еще не утвердился, другие с полным убеждением говорят о его кризисе и даже упадке, третьи видят в нем новые перспективы и возможности, причисляя его к наиболее влиятельным из современных теорий международных отношений. По-видимому, все они по-своему правы и неправы.

Определения конструктивизма часто противоречат друг другу, причем это относится также к таким связанным с ним категориям, как идеи, нормы, правила, идентичность, интересы и др. Сам конструктивизм также делят на разные направления: «мягкий» и «твердый», умеренный и радикальный, критический и конвенциональный, постмодернистский и неоклассический и другие варианты.

Более того, и в дальнейшем он продолжает расплзаться по разным подходам и направлениям, в каких-то случаях сохраняя верность первоначальной социологической ориентации, в других – сближаясь с политической психологией, историей или педагогикой, в-третьих – оставаясь в рамках политической теории, особенно критической. Майкл Мэтьюз идентифицирует свыше 20 разных форм конструктивизма с точки зрения методологических, радикальных, дидактических и диалектических соображений [1, р. 389]. Отсюда и множество как положительных оценок, так и замечаний со стороны представителей других течений международно-политической мысли и внутри самого конструктивизма. Кроме того, некоторые конструктивисты в принципе отвергают всякое наукообразие, подчеркивают интерпретивистскую природу социальных наук; другие, наоборот, рассуждают в ключе, сходном с естественнонаучным, делают акцент на эмпирической динамике международных процессов.

Что, безусловно, объединяет все конструктивистские течения, так это убеждение, что главные аспекты международных отношений **социально сконструированы**, то есть обрели свое содержание благодаря процессам социальной практики и взаимодействия. Социальный конструктивизм означает, утверждал автор самого термина «конструктивизм» Н. Онуф, что «социальные отношения *делают* или *конструируют* людей – нас самих – такими, как мы есть. И наоборот, мы *делаем* мир таким, как он есть, делая то, что мы делаем по отношению друг к другу, и говоря то, что мы говорим друг другу» [2, р. 59].

Поколенческий подход к рассмотрению конструктивизма

Разнообразие конструктивистских подходов дополняется поколенческими различиями между самими теоретиками этого направления. Конструктивизм сегодня представлен уже третьим поколением ученых. Попробуем разобраться, что же в каждом из них было и есть общего и особенного.

«Поколение» в политической теории означает темпоральную единицу анализа, соединяющую индивидов и коллективы через процесс времени [3]. Поколенческий подход позволяет одновременно анализировать идейные аспекты социальной жизни (интерсубъективные смыслы, вытекающие из общего опыта) и материальные факторы, связанные с взрослением в определенное время, а также соотносить их с социальными ресурсами – конституционными, культурными и прочими, обычно изменяющимися примерно каждые 10–15 лет. Таким образом, возникает возможность

исследовать, как именно группы, занимающие разные позиции во времени, взаимодействуют друг с другом и тем самым оказывают влияние на политику и ее интерпретацию. «Поколение» превращается в единицу анализа, которая помещает людей во временной процесс, подобно тому, как концепт «класса» помещает людей в определенное место в современной социальной структуре. Кроме того, исследование с позиции политических и научных поколений облегчает понимание механизмов утверждения политической и стратегической культуры, распространения убеждений и взглядов в отношении внешней политики и международных отношений в постоянно меняющемся мире.

Концепт поколения одновременно содержит преемственность и трансформацию. Но ни о каком единомыслии не может быть и речи. Концепт поколения представляет собой темпоральную единицу анализа, охватывающую разный опыт группы людей, находящихся в несовпадающем индивидуальном и коллективном времени. В отличие от линейной концепции времени, присущей механистической, «ньютоновской» картине мира, предполагающей, что время движется вперед как единый поток событий, поколенческая как постнеклассическая перспектива рассматривает картину мира, как состоящую из множества темпоральных опытов или поколений, которые сосуществуют одновременно, в то же время живя в разное «время».

Поколенческий метод, кроме того, предполагает, что ученые-международники не могут претендовать на извечность и аксиоматичность собственной позиции. Соответственно, «истинность» исследований исторична. Они всегда находятся под влиянием коллективного опыта, пережитого обществом, в целом коллективного времени.

Понятно, что границы между поколениями не могут быть точными – многие авторы умудряются на протяжении своей творческой биографии схватывать референтные точки разных периодов, событий и причинных нарративов (например, в конструктивизме к числу таких «транзитных» авторов можно отнести Эмануэля Адлера, Александра Вендта и ряд других). Но это все же скорее исключение.

Кроме того, в случае конструктивизма (хотя бы в силу его сравнительно короткой истории) речь может идти скорее о периодах в развитии и даже эволюции парадигмы, нежели о полноценной смене поколений, хотя некоторые поколенческие черты в нем, безусловно, уже присутствуют. Поэтому говорить о поколенческих различиях мы будем все-таки с некоторой долей условности.

Первое поколение конструктивистов

Конструктивизм как новая теория международных отношений начал свой формальный путь во времена Третьих (в трактовке ряда исследователей – Четвертых) «Великих дебатов» в ТМО, которые иначе называются «межпарадигмальными», развернувшихся в конце 1970–1980-х гг., то есть еще до окончания «холодной войны». Следует признать, что дебаты продолжаются по сей день, поскольку аргументы обеих сторон по-прежнему обсуждаются в научной литературе, хотя и несколько утратили свою остроту. Продолжающиеся споры обычно описывают как эпистемологическое противопоставление между объяснением (научностью), позитивизмом (эмпиризмом) и рационализмом, с одной стороны; и пониманием (интерпретацией), постпозитивизмом и рефлексивизмом – с другой.

Именно в ходе дебатов между рационалистами и рефлексивистами конструктивизм, что называется, оказался «вовремя на месте». Еще в 1988 году, будучи президентом АСА, Роберт Кеохейн констатировал эвристический потенциал рефлексивизма, призвав коллег-международников обратиться к этому течению при изучении международных процессов [4]. Опираясь на рефлексивистский подход, конструктивизм и начал свой триумфальный путь по пути постпозитивизма, по целому ряду параметров и утверждений противопоставляя свои взгляды рационалистическим теориям и учениям.

Уже на ранней стадии сформировались два основных подхода в будущей конструктивистской парадигме. Х. Ройс-Смит, Джон Рагги и ряд других исследователей, например, подразделяют конструктивистов первого поколения на две большие группы [5].

С одной стороны, такие довольно известные исследователи, как Николас Онуф, Марта Финнмор, Кэтрин Сиккинк, Питер Катценштайн, Фридрих Кратохвиль, Александр Вендт и ряд других, чьи статьи книги уже получили признание со стороны международных коллег и вызвали среди них острые и интересные дебаты (своего рода «респектабельный» конструктивизм), были в первых рядах конструктивистского наступления. Теоретики начали размышлять над подходом, отвергающим многие идеи традиционного рационализма и Просвещения, причем это происходило еще до официального признания новой парадигмы в теории международных отношений. Главное, что они хотели «вписать» конструктивизм в основной поток теоретико-международной мысли, не столько противопоставляя его остальным течениям, сколько вступая с ними в дискуссию. Некоторые из тогдашних конструктивистов даже претендовали на то, чтобы он стал «новым «мейнстримом» в теории международных отношений, однако большинство ученых в конце прошлого столетия все же рассматривали его как оппозиционное движение внутри ТМО, радикальную альтернативу таким традиционным теориям, как неореализм и неолиберализм, или как особый, почти экзотический подход к исследованию международных отношений, подчеркивающий идейный и интересубъективный характер мировой политики.

С другой стороны, несколько особняком развивался радикальный конструктивизм, интересы которого были сосредоточены преимущественно на дискурсивном анализе и проблемах лингвистики. Его представители пытались жестко противопоставить свое мировоззрение сложившимся в международной теории канонам (например, Эрих фон Глазерсфельд). Оба потока по существу объединяла лишь убежденность в том, что международная деятельность – это в первую очередь социальный конструкт.

Заметим, что изначально при формировании конструктивизма не было чьей-либо монополии на раскрытие его содержания и методологии. С момента своего возникновения конструктивистское генеалогическое древо, таким образом, отличалось множеством ветвей и корней, и ситуация к сегодняшнему дню не изменилась.

В отличие от реализма, для которого международные отношения предопределяются безопасностью государств и их материальными интересами, определяемыми в терминах силы, а также в отличие от либерального институционализма, концентрирующегося на взаимозависимости международных акторов и их деятельности, конструктивизм рассматривает международную политику как сферу взаимодействия, которая формируется благодаря идентичности и деятельности акторов под влиянием постоянно изменяющихся нормативных институциональных структур. Он подчеркивает, что цели государств, будь то материально/объективные, такие

как онтологическая безопасность и экономическое развитие, или нематериально/субъективные, такие как международное признание, генерируются их социальной идентичностью; или, скажем иначе, тем, как они рассматривают себя по отношению к другим акторам в международном сообществе. Если реалисты и либералы видят в международных акторах до-социальных «атомистических эгоистов», интересы которых формируются еще до социального взаимодействия, и рассматривают это взаимодействие исключительно как средство материальных приобретений или реализации стратегических целей, акторы в конструктивистской редакции – это сущностно социальные существа, чьи идентичности и интересы – это продукт интересубъективных социальных структур. Понятно, что это бросало «вызов» конвенциональной теории международных отношений.

Как бы там ни было, считается, что именно представителям первого поколения конструктивистов удалось преодолеть традиционное рассмотрение государств как рациональных акторов, присущее эмпирической социальной науке с обязательными требованиями строго научных методов и оглядкой на экономические модели, задававшие образцы исследований.

Кроме того, конструктивисты первого поколения признали, что идентичность государств, равно как и их интересы, постоянно изменяются. Анархия в международной системе не имеет постоянной «природы» и формируется благодаря акторам, их идентичности и интересам, которым, в свою очередь, не свойственна зафиксированность и стабильность, и они видоизменяются благодаря агентам и их действиям. Поэтому основной интерес конструктивистов был направлен на выяснение того, как именно конструируются идентичности и интересы. Таким образом, в отличие от неореалистов, конструктивисты делали акцент именно на «социальности» и социальных отношениях в международной системе. Особенно важно, что даже такое материальное понятие, как «сила», в их оптике создается на основе социальных взаимодействий и интерпретации смыслов. Идентичность и предпочтения международных акторов, – подчеркивал Фред Чернофф, – формируются социальными структурами, они нестабильны и отнюдь не неизменны» [6, р. 68].

В целом конструктивисты первого поколения привнесли в изучение международных отношений много свежих идей. Поставив вопросы, связанные с перцепцией международно-политических процессов, идентичности и коллективных интересах как результатов социального конструирования, они заметно подорвали монополию методологического индивидуализма и материализма, доминировавшую в теории международных отношений на протяжении многих лет. Конструктивисты также сумели продемонстрировать свою эмпирическую ценность, выявив причинно-следственное значение норм и социальных структур в глобальной политике.

В арсенал международников вошли такие новые концепты, как нормы, дискурсы, речевые акты, интересубъективность и т. д., и другие рефлексивистские понятия, которые, как представлялось теоретикам, призваны были отразить быстро меняющиеся контуры мировой политики. Фактически изменился сам словарь теории международных отношений, а также характер рассмотрения роли языка, смыслов, социальных фактов.

Кроме того, конструктивизм зафиксировал принципиальные различия между социальными и естественными науками с точки зрения тестирования, доказательств и свидетельств. Но именно это позднее было поставлено конструктивистам в вину его противниками. Так, американский теоретик Роберт Джексон указывал, что Пер-

вое поколение было полезным, но оно «не создало специфической теории для тестирования. Оно вообще отрицало какое-либо тестирование в обычном смысле слова» [7, р. 51–52]. Марта Финнмор и Кэтрин Сиккинк обобщили этот опыт следующим образом: «Конструктивизм – не содержательная теория политики. Это социальная теория, которая содержит утверждения о природе социальной жизни и социальных изменениях» [8, р. 393]. Иными словами, конструктивизм на первом этапе скорее предложил рассуждения, но все же пока еще не претендовал на доказательность и научность.

Конструктивисты первого поколения опирались на модели социализации, которые часто (имплицитно или эксплицитно) предполагали наличие сформировавшегося международного сообщества, в котором уже выявились основные акторы, обладающие конкретными идентичностями и интересами. Однако многие авторы в последнее время пришли к выводу о том, что конструктивисты первого поколения воспользовались отнюдь не полным списком символических интеракционистских теорий (феноменологических, герменевтических и др.), по существу, ограничившись только теориями социологов Джорджа Герберта Мида, Эрвина Гоффмана, Гарольда Гарфинкеля и ряда других, более того, существенно их упростили и в целом примитивизировали концепции символического интеракционизма.

Поэтому, как признавали позднее и сами конструктивисты, Первое поколение во многом лишь наметило траекторию развития подхода, оставив многие вопросы без ответа или достаточной конкретизации. Они скорее рассуждали о конструктивизме, нежели разрабатывали его методы. Вне сферы внимания оставались проблемы, связанные с происхождением структур, их изменениями, а также механизмы конструирования государств и других акторов международно-политического процесса. Тем не менее конструктивизм довольно быстро обретал все большее число сторонников.

Второе поколение

События 1990-х гг., прежде всего окончание «холодной войны» и распад СССР, оказали существенное влияние на состояние и развитие конструктивизма, не избежавшего некоторой экзальтации в претензиях на универсальность. Н. Онуф подчеркивал, что «разрушение Берлинской стены и распад Советского Союза» стали для международников-конструктивистов «источником вдохновения [9, р. 242]». Но у конструктивистов, в отличие от либералов, не было однозначного объяснения происшедшего. Более того, события в мире подтолкнули к появлению множества разнообразных ответов внутри самого конструктивизма – как следствие, в теоретической сфере полемика обратилась вовнутрь. Однако, похоже, именно такая раздробленность предопределила устойчивость и его долговременное влияние на развитие теории международных отношений как дисциплины.

Как бы там ни было, именно в период работы исследователей второго поколения конструктивизм предстал как полноценная парадигмальная альтернатива политическому реализму и либерализму. Конструктивизм не только вошел в «большую тройку» теорий международных отношений, фактически заняв место, которое ранее занимал марксизм. Именно в этот период, то есть с конца 1990-х и в течение первых полутора десятилетий XXI столетия, раскрылись типичные черты конструктивизма, выявились его достоинства и недостатки.

Считается, что конструктивизм второго поколения предстал в трех основных формах: как системный, партикулярный и холистский.

Примером системного конструктивизма может служить Александр Вендт. Вслед за «отцом» неореализма Кеннетом Уолцем он обратился к «анализу третьего уровня», т. е. к взаимодействию между унитарными государственными акторами на международной сцене [10]. Системный конструктивизм обращался преимущественно к анархической международной системе. Однако, в отличие от неореалистов, конструктивисты полагали, что анархия отнюдь не обязательно предполагает систему, в которой акторы рассчитывают исключительно на собственные ресурсы и «самопомощь». Анархия – результат деятельности государств, т. е. она возникает в процессе их взаимодействия, а отнюдь не выступает в качестве структуры.

Еще одно важное направление – конструктивистские теории партикулярного, иначе говоря, единичного уровня (например, П. Катценштайн). В фокусе исследования оказываются относительно обособленные объекты, то есть процесс во всей совокупности присущих ему признаков, неповторимых свойств, в которых отражается индивидуальность предмета или явления. В этом случае интерес конструктивистов направлен прежде всего на внутривнутриполитическую сферу государств.

Это, в сущности, противоположная позиция по отношению к другим теориям международных отношений. По мнению исследователей, значительная часть научной литературы по теории международных отношений интересуется тем, что происходит между акторами (агентами), во многом за счет того, что происходит внутри них самих. В результате за скобки выносятся не внутренняя политика государств, а ее роль в конструировании идентичности и интересов. Именно эту проблему и призван был скорректировать партикуляристский конструктивизм.

И, наконец, конструктивисты-холисты находились на пересечении системного и партикулярного анализа, пытаясь в своих объяснениях конституирования идентичностей и интересов выстроить мост между ними, то есть между внутривнутриполитическим и международным. Так, Джон Рагги и Фридрих Крадохвил обратились именно к холистскому конструктивизму, стремясь интегрировать сформировавшиеся во внутренней сфере государственные идентичности с международно предопределенными социальными идентичностями в единую аналитическую перспективу, рассматривающую внутреннее и международное как два лица единого социального и политического порядка.

Конструктивисты второго поколения довольно часто применяли метод интерпретации норм и идентичности через причинно-следственные переменные с последующим обращением к практике реализации требований «культурных поворотов». Именно в таком ключе на первый план в научных исследованиях мировой политики и международных отношений вышли социальные, культурные и морально-этические аспекты.

Одной из наиболее показательных работ конструктивизма «второго поколения» можно считать сборник, вышедший под редакцией Питера Катценштайна «Культура национальной безопасности» [11]. Авторы сборника, похоже, стремились показать, что обе доминирующие теории – неореализм и неолиберализм – не смогли предсказать ни окончание «холодной войны», ни распад СССР, ни тенденции дальнейшего развития в разных регионах мира [11, р. 3], то есть не выполнили главную цель теории международных отношений – объяснять и предсказывать поведение государств на международной сцене. При всех различиях между неореализмом и неолиберализмом им свойственна общая беда: они опираются на физический потенциал

государств и институтов. Авторы сборника предложили альтернативный аналитический подход, сочетающий изучение норм, а также культурной, этнической и национальной коллективной идентичности обществ, что, по их мнению, лежит в основе всякого международного сообщества.

Сборник содержит 12 исследований конкретных кейсов. Например, Элизабет Кир, Джеффри Легро и Питер Катценштайн поставили под вопрос многие реалистские положения в отношении динамики развития международной политики, в особенности в сфере военно-политической проблематики. Томас Бирштекер и Синтия Вебер попытались применить конструктивистский подход к проблемам эволюции государственного суверенитета, который они сочли ключевой темой международных исследований. Марта Финнмор в конструктивистском ключе рассмотрела вопрос о гуманитарных интервенциях. А. Вендт раскрыл проблему связи между культурой и безопасностью.

Обратим внимание на то, что конструктивисты на основе изучения роли языка и риторики в конструировании социальной реальности международной системы часто бывают более оптимистичными в отношении прогресса в международных отношениях, нежели это свойственно реалистам с их чисто материалистической онтологией. И хотя в научной литературе довольно часто подчёркивают, что конструктивизм – альтернатива реализму и либерализму, многие авторы обращают внимание на то, что он отнюдь необязательно он в принципе несовместим с одной или даже обеими теориями. Целый ряд конструктивистов полагал, что прогресс в теории международных отношений может быть достигнут только тогда, когда реализм и конструктивизм найдут возможность для воссоединения или хотя бы взаимодействия. Поэтому многие авторы начали пытаться найти такого рода компромиссы.

Приходится признать, что конструктивисты «второго поколения» к середине 2000-х годов столкнулись с критикой, причем с разных сторон. Первоначальная эйфория вокруг новой парадигмы в ТМО сменилась некоторым разочарованием, причем как со стороны ряда энтузиастов конструктивизма, так и их идейных противников.

В самом деле, несмотря на первоначальные впечатляющие успехи, конструктивизм все же к концу деятельности второго поколения оказался в довольно плачевном состоянии: «великие дебаты» практически прекратились, а конструктивизм все чаще начал ограничиваться упражнениями по тестированию норм, чаще всего не претендуя на свою первоначальную амбицию – стать не просто социальной теорией международных отношений, но главной, доминирующей.

Напомним, что изначально конструктивизм вообще не склонен был ограничиваться сферой теории международных отношений, а рассматривал себя как «мост» между ТМО и социальной теорией в целом. Создается впечатление, что это намерение оказалось подзабытым. Конструктивизм теперь уже довольно часто подавался как теория международных отношений, занимающаяся проблемами норм (нередко либерально интерпретированных), международной анархией, проблемой взаимоотношений агентов и структуры, и это практически все. Именно эти вопросы в тот период затрагивались чуть ли не каждой статье или книге авторов-конструктивистов. Кроме того, есть существенная разница между «трансляцией» широких социальных дебатов в теорию международных отношений и «конструктивистским ядром» в самой ТМО.

Относительный упадок конструктивизма ближе к концу деятельности теоретиков второго поколения был связан с тем, что к этому времени он распался

на трудно совместимые друг с другом течения. Как бы там ни было, поскольку конструктивизм раскрывается как вариант «среднего пути» между позитивизмом и постпозитивизмом, колебания его адептов, особенно в части, касающейся методологии, были вполне естественными.

Довольно быстро выяснилось, что для того, чтобы быть на равных с неореализмом и неолиберализмом (или с рационалистическим подходом в целом), необходимо найти какие-то варианты тестирования и фальсифицируемости результатов исследования. Исследователи конструктивизма признавали, что первое поколение было полезным с эпистемологической точки зрения, но оно не создало специфической теории, предполагающей тестирование полученных результатов как общепризнанного в науке метода валидации. В сущности, конструктивизм был прежде всего вариантом рассуждений, что в принципе не предполагает тестирования. Второе поколение попыталось исправить сложившееся положение. Таким образом, авторы не столько развивали исследовательские программы конструктивизма, сколько старались опровергнуть достижения первого поколения, возвратившись к неопозитивистским требованиям исследовательской «повестки дня».

В противном случае конструктивизм оставался бы в сфере общих рассуждений. Именно поэтому потребовалось своего рода «онаучивание» конструктивистской парадигмы. И хотя в центре внимания ученых по-прежнему оставались нормы и идентичность, социальные, культурные и морально-этические аспекты рассматриваемых проблем, второе поколение конструктивистов пошло по пути, более близкому к неопозитивизму.

Следует признать, что это был весьма непростой процесс, потребовавший от конструктивистов изрядной изворотливости, а в ряде случаев и откровенного отступления от базовых принципов. Неслучайно поэтому многие, в том числе отечественные авторы, увидели в этом кризис или даже упадок конструктивизма, но, как представляется, несколько поторопились с диагнозом.

В целом конструктивизм второго поколения интерпретировал международные процессы способами, трудно совместимыми с приемами первого поколения. Пожалуй, за единственным, но немаловажным исключением. Если конструктивисты первого поколения по существу ограничились только тем, что признали наличие взаимодействия и взаимовлияния эмоций и человеческого тела, т. е., по существу, ограничились признанием, что «Я» имеет социальный, а не биологический характер, то второе поколение конструктивистов опиралось, по сути дела, на ту же упрощенную версию. Забывая о своих интеллектуальных корнях, конструктивисты фактически выносили за скобки процессы, с помощью которых агенты реагируют и ведут переговоры по поводу этих норм. Они также не принимали во внимание тот факт, что «взаимодействие с антрепренёрами норм может изменить исходные социальные структуры и институциональную среду», – подчеркивал А. Джонстон [12, с. 17].

Третье поколение

По мнению целого ряда исследователей, сегодня в конструктивистской парадигме работает уже третье поколение исследователей. Эта группа конструктивистов в самом деле предложила по сравнению с со вторым поколением несколько другой взгляд на международные процессы. «Модные» еще вчера, казавшиеся инновационными, философские и теоретические идеи теперь уже предстали банальными. Понятно, что новое поколение международников, которое формируется уже сейчас,

также станет крайне критичным в отношении идей своих учителей. Но это вполне естественное движение научной мысли. При этом решающее значение имеет социальный и политический контекст быстро изменяющейся мировой политики – признание, которое вполне соответствует конструктивистским установкам.

Третье поколение конструктивистов вновь вернулось к идеям первого поколения в духе Онуфа и Кратохвила, отвергавшимся представителями второго поколения. Это означало прежде всего возврат к постпозитивизму (во всей его многоликости), снова обращение к исследованию дискурсов и интерпретации смыслов. В этом смысле конструктивизм следует традиции постмодернизма, названной Жаном Франсуа Лиотаром «распрей». Однако они, как это ни парадоксально, создают единое дискурсивное пространство. Сформировалась группа ученых (иногда они сами называют себя «семьей») с разными взглядами по конкретным вопросам, но все же имевшая много общего относительно стратегической исследовательской линии. При этом речь идет не о повторении пройденного, а о заметном развитии онтологического, эпистемологического, методологического и этического подходов первого поколения [13].

Если конструктивисты второго поколения почти не интересовались проблемой самости – человеческого «Я» и взаимоотношений личности с другими людьми, – не слишком внимательно принимали во внимание глубоко социальный характер людских связей, то интерес представителей третьего поколения направлен прежде всего на изучение поведения индивидов и в меньшей степени институтов, групп и структур в целом.

В своих размышлениях «семья» третьего поколения опирается на философию диалога известного философа-экзистенциалиста Мартина Бубера (1878–1965). В книге «Я и Ты» (1923) Бубер доказывал, что между отношением человека к Богу и отношением к ближнему существует тесная связь [14].

Условиями межличностного диалога, по Буберу, являются не просто присутствие другого человека, а подлинное намерение совместно решить какую-то проблему, условием чего становится открытость по отношению друг к другу. В результате возникают отношения «Я-Ты» (I-Thou), то есть способность слышать собеседника и осознавать единство сосуществования с ним. Конструирование отношений «Я-Ты» позволяет связать несколько «Я» вокруг общего центра и тем самым создать «межличностную сферу» отношений, или, иначе, «Мы» как сообщество.

Но Бубер не остановился на этом. Он раскрыл также тип отношений – «Я-Оно» (I – It), который основывается на инструментализации членов общества и дистанцировании людей друг от друга. Эти отношения препятствуют возникновению диалога и формированию сообщества «Мы». Отношения обоих типов, по Буберу, возникают не только между личностями, но также между личностями и природой и даже между такими интеллектуальными сущностями, как теории.

В любом случае буберовская интерпретация предполагает принятие Другого, признание допустимости инаковости. Бубер подчеркнул, что в диалоге нет места для господства или иерархии, так же, как и исключения кого-то из участия. Соответственно, «диалогичный мир», по Буберу, – это событие, происходящее между двумя людьми без взаимных оговорок. Однако реальный диалог в наше время стал невозможным – слишком много сопутствующих обстоятельств, поэтому восстановление чисто человеческой способности к ведению диалога должно стать важнейшей задачей.

Но просто диалога недостаточно. Сплошь и рядом происходит подмена диалога полемикой, что констатировал еще Мишель Фуко.

Во избежание тоталитарной полемики именно межличностный диалог рассматривается конструктивистами третьего поколения в качестве главного лекарства для современного общества всеобщего отчуждения. Более того, предполагается, что и сам конструктивизм открыт для диалога, не допуская превращения в догму, что, к сожалению, свойственно многим другим парадигмам. Соответственно, возникает возможность рассматривать конструктивистов как активных строителей мирового сообщества за пределами академического мира. Фундаментальными строительными блоками социальной жизни в их подходе становятся взаимодействия индивидов друг с другом, иначе говоря, коммуникация.

Как известно, коммуникация, затрагивающая фундаментальные аспекты человеческого понимания, имеет социальную направленность как деятельность, которая будучи успешной, устанавливает взаимопонимание людей. В отличие от макросоциологического, структурного подхода к обществу, рассматривающего его как целостность социальных институтов (государство, религия, семья и т. д.), микросоциологический подход, одним из вариантов которого выступает конструктивизм третьего поколения, сориентирован на человеческие взаимодействия, интерпретацию поведения людей. Это требует наблюдения за поведением людей и объяснения мотиваций поступков и действий – отсюда стремление исследователей понять природу их коммуникации между собой.

Особенно большое значение сегодня придаётся исследователями символам, воплощающим социальный мир, а также языку (речи). Символ обозначает некое событие или предмет, при этом предполагается, что участвующий в коммуникации человек распознает его и одновременно интерпретирует. В процессе коммуникации люди могут меняться ролями, но ключевое положение – понимание Другого, означающее не просто необходимость поставить себя на его место, но включить также воображение, отражающее его представление о внешней среде. В контексте широкого поворота в сторону практичности теории международных отношений конструктивисты начали рассматривать преимущественно повседневную практику мировой политики.

Таким образом, третье поколение вернулось к социологическим идеям символического интеракционизма. Речь идет о необходимости рассматривать разные формы доминирования и структурного неравенства, причем до того, как раскрывать их как интерактивные процессы. «Зеркало Я» воссоздает отнюдь не только положительные эмоции, а гораздо чаще такие, как раздражение, гнев или излишнюю гордость. Иначе говоря, человек постоянно воспроизводится в интерактивном опыте, в ежедневном взаимодействии эмоций, идентичности и тела. Это относится не только к человеку, но и к международным акторам. Так, Е. Суботик и А. Заракол подчеркивают, что «чувство самоопределения» государства «может содержать такие эмоции, как стыд, вина и смущение, а отнюдь не только позитивные чувства» [15]. Таким образом, самоидентификация государства – не просто результат его борьбы за улучшение своего положения по отношению к другим государствам как формы реализации национального интереса, но также и следствие оценки собственного прошлого и внутренних конфликтов, причем во многих случаях пересмотра их значения под внешним влиянием. В книге с весьма характерным названием «После поражения: Как Восток учился жить с Западом» Заракол показывает, как исторически Россия, От-

томанская империя и Япония воспринимали западные нормы извне, что, по их мнению, привело к появлению «комплексов неполноценности» и попыткам исправить свою идентичность [16]. Или варианты «постимперского синдрома» у бывших метрополий, сочетающего подавленность со сдеспью. Очевидно, что это открывает возможности для внешних сил использовать такого рода синдромы в своих целях и манипулятивных технологиях.

Специфика правил, направляющих социальное взаимодействие, крайне важна для понимания международных отношений, постоянно подчеркивают конструктивисты. Поэтому исследователю необходимо не просто принимать во внимание как данность феномены мировой политики, а осмысливать события и принятие решений, то есть фиксировать характеристики, которые до последнего времени попросту игнорировались учеными и аналитиками.

Если можно так выразиться, символический интеракционизм сбрасывает «высокую политику» с ее пьедестала; делает ее тривиальной, а значит, открытой для критики. Иначе говоря, осмысление процессов принятия решений приобретает более демократический и менее тоталитарный характер. «Политическая реальность с позиции новой онтологической политики (а третье поколение конструктивистов, очевидно, работает именно таким образом – АТ) разворачивается перед нашими глазами и требует деятельного участия сейчас, без упования на прошлые события и без особого расчета на будущее. Объекты, вещи, люди, силы, идеи проявляют свою потенциальную политическую субстанцию в актуальной борьбе и конфликте сетевых взаимоотношений» [17, с. 131]. Даже такие решения, как начало военных действий, будут неизбежно включать ситуации колебаний, раздражения и профессиональной неуверенности. В каком-то смысле происходит «очеловечивание» «большой политики». Конструктивизм, таким образом, вновь утверждает социальную природу науки.

Еще одним важным аспектом третьего поколения становится внимание к контексту и условиям принятия международно-политических и внешнеполитических решений. Например, в случае российско-американских отношений выделяются такие аспекты изменившихся условий, которые, в свою очередь, радикально изменили основные способы и механизмы внешней политики: а) асимметрия вместо паритета – игроки стараются оказать влияние друг на друга, исходя из обеспеченности сырьевыми ресурсами, уровня заинтересованности, декларируемых ценностей и других параметров, искажающих перцепцию действий другой стороны и меняющих ход переговоров; б) нет единственного доминирующего инструмента (например, каким было ядерное оружие в эпоху «холодной войны»), увеличение значения экономических и прочих санкций, манипулятивно-информационным операций, методов «гибридной войны» и т. д. Наконец, необходимо также учитывать меняющуюся международную среду (пандемии, изменения климата, природные катаклизмы, транснациональные радикальные движения) [18, с. 10].

Конструктивизм наглядно демонстрирует, как в социальном познании происходит переход от «классической, механистической» (ньютоновской) картины мира к «неклассической» (эйнштейновской) и затем к «постнеклассической» (пригожинской), выразившийся в том числе в отказе от традиционной дихотомии «субъективное – объективное», в соответствии с которой «научность» предполагала игнорирование «субъективного» в процессе исследования. Наоборот, человеческое сознание со временем стало признаваться приоритетным параметром, конструирующим онто-

логическое пространство. В сферу исследования конструктивизма постепенно входят основные черты «постнеклассической науки»: нелинейность, коэволюция, самоорганизация, идея глобального эволюционизма, синхронистичность, системность. Реальность воспринимается, с одной стороны, как процесс и, с другой, как сеть взаимосвязей, в которую включен человек. В ходе исследования происходит соединение системности и историчности. В естественные науки, в конце концов, входит проблема понимания; в социо-гуманитарные – проектно-конструктивная деятельность. Более того, эволюционная эпистемология впервые разрешает проблему, поставленную еще Кантом: как получилось, что категории познания и реальности соответствуют друг другу. Ответ: наш познавательный аппарат также является результатом эволюции.

* * *

Помимо всего прочего, утверждение конструктивизма как третьей «большой» теории международных отношений означало завершение «научной революции» в интерпретации Томаса Куна, а в каком-то смысле ограничение постпозитивистских, феминистских и критических теорий – иначе говоря, «нормализацию» теории международных отношений как социальной и политической науки. Это ярко проиллюстрировало выводы Томаса Куна, обратившего внимание на цикличность поколенческих установок и их деструктивность по отношению к предшествующему поколению ученых, которая в следующем поколении сменяется реструктивностью (по схеме 1,3, затем 2,4 ... и т. д.). Отсюда проистекают изменения в политических представлениях, в восприятии, мышлении и даже характере и типе личности ученых, то есть в гештальте поколений [19].

Конструктивисты сегодня особенно интересуются отвергнутыми взглядами и элементами исходных основополагающих текстов и вкладов, которые были присущи первому поколению; а, с другой стороны, они используют тематические, теоретические и концептуальные точечные импульсы, новые и старые, не говоря уже об альтернативных и параллельных течениях мысли. Соответственно, даже отвергнутые импульсы из более раннего вклада конструктивизма в ТМО должны быть поняты как ресурс, как точки отсчета для обретения нового знания и понимание происходящего [20].

В любом случае, конструктивизм с точки зрения вхождения в теорию международных отношений – одна из успешных историй политической мысли. Все три поколения конструктивистов действительно внесли концептуально богатый и эмпирически разнообразный вклад в науку. В то же время конструктивизм наглядно продемонстрировал трудности, с которыми сталкивается всякая новая теория международных отношений, когда вступает во взаимодействие с признанными подходами. Патрик Джексон указывает, что конструктивизму пришлось пройти через ритуалы инициации, потребовалось продемонстрировать свою валидность и легитимность среди уже утвердившихся теоретических перспектив [21, p. 31]. Эти требования неизбежно «душат» оригинальность всякой новой теории – и конструктивизм в этом не стал исключением. Как следствие, появились некоторые весьма специфические компромиссные формы конструктивизма (реалистский конструктивизм, либеральный конструктивизм, конструктивизм как критическая теория и т. д.), пытавшиеся сотрудничать с господствующими теориями, вписаться в их парадигмы, а это, в свою очередь, не только привело к самым разнообразным дискуссиям и дебатам, но и сделало классификацию конструктивизма (на базе оснований, идей или поколений) довольно неуверенной и условной.

В целом поколенческий анализ позволяет получить доступ к темпоральности людей, чьи идеи и практическую деятельность мы изучаем в контексте внешней политики и теории международных отношений. Помимо всего прочего, включение темпоральной перспективы в онтологию международно-политической мысли расширяет эпистемологические возможности, то есть то, как именно мы познаем, понимаем и, следовательно, изучаем окружающий мир. Другими словами, если поколения по-разному воспринимают мир и, соответственно, его интерпретируют, то тогда и исследователи не могут занять позицию «безвременья», поскольку они также занимают конкретную поколенческую позицию в потоке времени. Конструктивисты приняли это за доказательство того, что дисциплина теории международных отношений не может быть «объективной», она темпоральна, связана со временем и, разумеется, с контекстом. Более того, конструктивизм предлагает ей вплотную заняться тактикой, а не стратегией, чем она грешила длительное время [22]. Внимание конструктивистов к идейным факторам наглядно демонстрирует, что международно-политическая реальность не зафиксирована, а является предметом постоянных изменений.

Ссылки / References

1. Matthews M. *Time for Science Education. How Teaching the History and Philosophy of Pendulum Motion Can Contribute to Science Literacy*. NY: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2000. 468 p.
2. Onuf N. *Constructivism: A User's Manual // International Relations in a Constructed World*. Ed. by V. Kubalkova, N. Onuf, P. Kowett. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1998. P. 58–78.
3. *Theory and Application of the «Generation» in International Relations and Politics*. Ed. by B. J. Steel, J. M. Acuff. NY: Palgrave Macmillan, 2012. 266 p.
4. Keohane R. O. *International Institutions: Two Approaches // International Studies Quarterly*. 1988. Vol. 32. № 4. P. 379–396.
5. Reus-Smit C. *Theories of International Relations*. Ed. by S. Burchill etc. Basingstoke: Palgrave, 2015. P. 209–230.
6. Chernoff F. *Theory and Metatheory in International Relations*. Basingstoke: Palgrave, 2008. 223 p.
7. Jackson R., Sørensen G. *Introduction to International Relations: Theories and Approaches*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 352 p.
8. Finnemore M., Sikkink K. *Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics // Annual Review of Political Science*. 2001. № 4. P. 391–416.
9. Onuf N. *The Politics of Constructivism. Constructing International Relations: the Next Generation // International Relations in a Constructed World*. Ed. by K. Fierke, K. E. Jorgensen. Armonk: M.E. Sharpe, 2001. P. 236–254.
10. Waltz K. *Man, the State and War. A Theoretical Analysis*. NY: Columbia University Press, 1959. 263 p.
11. *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. Ed. by P. J. Katzenstein. NY: Columbia University Press, 1996. 562 p.

12. Johnston A. I. *Social States: China in International Institutions. 1980–2000*. Princeton: Princeton University Press, 2007. 290 p.
13. Kessler O., Steele B. J. Introduction: Constructing IR: The Third Generation // *European Review of International Studies*. 2016. Vol. 3. Issue 3. P. 7–13.
14. Бубер М. *Я и Ты*. М.: Высшая школа, 1993. 175 с.
15. Subotic J., Zarakol A. Cultural Intimacy in International Relations // *European Journal of International Relations*. 2013. Vol. 19. № 4. P. 915–938.
16. Zarakol A. *After Defeat: How the East Learned to Live with the West*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 312 p.
17. Сморгунув Л. В. Онтологические повороты в современной политической науке: в поисках адекватности политике // *Социальные и гуманитарные знания*. 2020. Том 6. С. 122–133.
18. Джордан Дж. Е., Сталберг А. Н., Троицкий М. Внешнеполитические ресурсы и инструменты в российско-американских отношениях // *Международные процессы*. 2021. Том 19. № 1. С. 6–25.
19. Кун Т. *Структура научных революций*. Москва: АСТ, 2009. 310 с.
20. Michel T. Third Generation Constructivism and the Rhetoric of Inquiry in International Relations // *European Review of International Studies, Open Studies*. 2016. Vol. 3. № 3. P. 5–19.
21. Jackson P. *The Conduct of Inquiry in International Relations. Philosophy of Science and Its Implications for the Study of World Politics*. Abingdon: Routledge, 2011. 283 p.
22. *Tactical Constructivism, Method, and International Relations*. Ed. by B. J. Steele, H. D. Gould, O. Kessler London and NY: Routledge, 2020. 254 p.